

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»

УДК 82-312.1

АННОТАЦИЯ

В статье предлагается новый ракурс исследования проблемы персонаж и сюжетная функция в художественном тексте, на примере гендерных идентификаций героев романа Л.Улицкой «Казус Кукоцкого».

АНОТАЦІЯ

У статті пропонується новий ракурс дослідження проблеми герой та сюжетна функція художнього тексту, на прикладі гендерних ідентифікацій героїв роману Л.Улицької «Казус Кукоцького».

Ключевые слова: персонаж, сюжет, гендерный, патриархальный, мифологема.

Summary

The article deals with the new interpretation of the problems of character and plot function of the fiction discourse based on the examples of gender identifications of the characters in “Casus Kukotskogo” by Ulitskaya.

Key words: character, plot, gender, patriarchal, mythologeme.

Приоритетной темой гуманитарных исследований XX века стала тема женщины в искусстве – не только объекта, но и субъекта, автора артефактов и художественных идей. Это лишь один из аспектов комплекса социокультурных вопросов, которые получили название гендерные. Социология и психология давно активно включились в обсуждение этих проблем [1,2,3]. Своё отношение к гендеру постепенно вырабатывает и филология. Женщина настолько энергично стала участвовать в литературном процессе, что продукт её деятельности получил собственные маркировки: «женская проза», «женский роман» и пр. Хотя нельзя сказать определённо, какова смысловая, а также эмотивная наполненность этих определений. В моей статье объектом исследования также станет роман, написанный женщиной, однако не хочется относить его в разряд «женских» по той причине, что чаще всего это название употребляется с оттенком если не иронии, то снисходительности. Думаю, что это результат той, как принято называть, патриархальной традиции, имеющей в

качестве своей основы принцип бинарного структурирования (верх \ низ, логика \ чувства), которая утвердила оппозицию мужское \ женское с её неизбежной оценкой - позитивное \ негативное. Романы Л. Улицкой не принято называть «женскими», подобно романам Марининой, Донцовой, Юденич и других современных писательниц. Ей, согласно всё той же патриархальной норме, отводится место в большой литературе.

Л. Улицкая пришла в литературу, обретя уже солидный жизненный опыт, зная, чего ждёт от литературы пресытившийся разнообразием старины и уставший от эпатажа современности читатель. Собственно, ничего нового писательница не выдумывает: все сюжеты, по её же словам, давно записаны. Сфера её открытий - характеры и, прежде всего женские. В одном из интервью Улицкая высказала предположение, что русские женщины обладают особым дарованием быть несчастными. Естественно, возникает желание задать вопрос: а героини самой Улицкой? Какие факторы влияют на формирование их счастливой или несчастной судьбы? Смею предположить, что ответ на эти вопросы можно получить, если рассмотреть их с гендерной точки зрения. Условимся, что понятие «гендер» будет означать, обобщённо говоря, *социальные ожидания* от каждого пола. В отличие от физиологических или биологических определений пола, гендер занимается только *социально* сформированными чертами, свойственными женственности \ маскулинности.

Роман «Казус Кукоцкого», как подсказывает нам название, т.е. первое нарративное указание автора, не является женоцентричным. Казус в переводе – случай, иными словами, рассказ о жизненном случае одного человека по имени Кукоцкий. Естественно, его судьба будет переплетаться со многими другими судьбами, в том числе и с женскими. Предметом исследования данной статьи станут отношения героя и его жены Елены.

В структуре художественного текста важное место занимают персонажи. Воспользуюсь терминологией Ю.М.Лотмана, который предлагает в романах линейного типа сюжета, к каковым я отношу и этот роман, делить персонажей на *подвижных* и *неподвижных* [4, 228]. Подвижные, в отличие от

неподвижных, могут и имеют право на пересечение семантических границ. Благодаря этому осуществляется движение сюжета. Чтобы это движение остановилось, подвижный персонаж должен превратиться в неподвижного [4,231]. В дискурсе романа Улицкой Кукоцкий - персонаж подвижный, а Елена – неподвижный.

Особенностью неподвижных персонажей есть их принадлежность к циклическим сюжетам, а, следовательно, неспособность строить сюжет. В случае с Еленой это проявляет себя в том, что героиня всегда была кем-то ведома в жизни. Детство у неё было странное, искорёженное прихотью взрослых, которые играли в идеи, экспериментировали на себе и на детях, и этими экспериментами была занята и вся страна, и родители Елены. Страна начинала строить социализм, а отец Елены увлечённо воплощал в жизнь идеи Л.Н. Толстого, не понимая, что калечит жизни поверивших ему людей, обрекая их и самого себя на гибель, так как со Сталиным не мог соперничать даже Лев Толстой. Елена росла в обстановке принуждения, непонятных ей жизненных мотиваций, не испытав радостей детства, и, фактически, повторила судьбу бабушки и матери. Модель этой судьбы была сформирована патриархальным обществом и предполагала полную зависимость женщины от мужчины. Эта зависимость корректировалась временем, могла приобретать разные модусы. Скажем, бабушка, была замужем за человеком со сложным характером, который не любил ни своих детей, ни внуков, и как записала в своём дневнике Елена, «очень, очень жестоким и нетерпимым был дед» [5, 104]. Он и после смерти, как показали маленькой Елене в её вещем сне, сохранил душевную «хромоту». Тиран по своей сути, он и в «среднем мире», куда был определён после смерти, повторял слово, составлявшее доминанту его характера: я ВЕЛЕЛ, ты ВЕЛЕЛ, я не ВЕЛЕЛ... И это «ВЕЛЕЛ» Елене виделось как существительное. Мама Елены обожала своего мужа, во всём слушалась его, и в результате из обеспеченной московской барышни, преподававшей музыку, превратилась в крестьянку, доившую коров и работавшую в поле. Она потеряла двоих сыновей и с трудом уговорила мужа оставить в Москве дочь

Елену, спасая ей жизнь, ибо впоследствии переехавшая на Алтай толстовская коммуна была уничтожена. Уже будучи взрослой, Елена дала отцу такую оценку: «...он был сторонник ненасилия в общественной жизни, а в домашней – страшным деспотом» [5, 99].

Естественно, что судьба Елены не может выйти из обретенной семейной парадигмы. Общие контуры её жизненной ориентации и истории двух замужеств были воплощением судьбы русской женщины, зажатой рамками патриархальной гендерной традиции. Первым мужем Елены стал её преподаватель черчения. Антона Ивановича и Елену соединила не пылкая любовь, а «чувство иррациональной вины» за своих родителей, поскольку и те и другие не угодили большевистской власти происхождением. Объединило героев внутреннее стремление уползти на периферию жизни, «под кустик, под камешек, в теневое, незаметное место», так как принадлежали они к «смирной породе людей» [5, 47]. Важный факт: прежде чем взять Елену в жёны, Антон к ней год присматривался, потом год встречался по воскресеньям и лишь на третий год женился. Реакция Елены на столь долгое женихание отсутствует, и можно понять почему: ведь не она выбирает, а её выбирают. С гендерной точки зрения Елена совершенно не творческая личность и вполне соответствует традиционным мужским представлениям о пассивном поведении женщины в таком решающем вопросе как брак. Кстати, автор удачно выбирает своей героине профессию чертёжницы, которую Елена обожает и ради которой, даже имея возможность получить высшее образование, отказывается учиться дальше. Её удел – воспроизведение, как всякой женщины в её патриархальном варианте.

Второе замужество Елены состоялось по тому же принципу, что и первое: её выбрал спасший ей жизнь доктор Кукоцкий. Разница лишь в том, что она влюбилась в Павла Алексеевича даже не с первого взгляда, а как говорит сама: «будто я его любила ещё до своего рождения, и только вспомнила заново старую любовь» [5, 109]. Их идеальная совместимость будет постоянно подчёркиваться в романе. Порой будет казаться странным, как эти

столь разные по воспитанию, интеллектуальным возможностям, масштабам социальной значимости люди составили такую красивую, гармоничную пару. Но мир, наверное, тем и интересен, что в нём не всё можно объяснить. Ограничимся доверием к фразе, которую шепнёт Павел Алексеевич вновь обрётённой жене во второй, эзотерической части: «Душа моей души» [5, 270]. Их брак, как убеждает нас автор романа, действительно был заключён на небесах. До определённого момента семья Кукоцких представляет идеальную патриархальную пару, где супруги любят друг друга, доверяют, но их семейные роли строго определены: муж главенствует во всём, начиная с распределения семейного бюджета, заканчивая правом решать судьбу Ромашкиных котят. Отличается муж Елены от мужей её бабушки и матери тем, что по своему характеру и воспитанию он не был самодуром и деспотом. Скорее он был человеком твёрдой воли и усвоенных патриархальных принципов о главенствующей роли мужчины в семье. Характерной чертой поведения мужчин в роду Кукоцких было то, что они «добывали» жён в необычных обстоятельствах. Павел Алексеевич тоже «добыл» Елену, но при этом он распорядился не только судьбой Елены: он отнял у *другого* жену и дочь. Его поведение – поведение вожака, Воина и Судьи, и если бы дошло до спора с *другим* за право собственности на Елену, он бы, несомненно, выиграл. Просто, *другой* покинул поле боя...

Нельзя сказать, чтобы Елена совсем не рефлексировала по поводу своего, как она сама это называет, предательства. Как всякий неиспорченный человек, она давала нравственную оценку своему поступку. Но это всего лишь умозрительные выводы. Предательство стало для неё просто фактом. «Ни раскаяния, ни стыда давно не ощущаю», - запишет в дневнике Елена. И тут нет никакой её личной вины, потому что нет и поступка. Как неподвижный персонаж она включена в сюжет, который строит герой-агент. Таковым для неё является Павел Алексеевич или ПА, как ещё называют его в романе. Здесь пришло время обратить внимание на один важный факт: героиню Улицкой, как и всем известную виновницу Троянской войны, зовут Еленой. В романе автор

и все герои, за исключением Кукоцкого, называет её полным именем. Напрашивается мысль, что это не простое совпадение имен. Жизненная коллизия Елены - смена мужей, происходящая при её участии, но не требующая от неё принятия решения – повторение истории другой, мифологической Елены. Воссоздание в романе традиционной мифологемы о мужчине-хозяине и женщине, предмете спора, которая занимает в гендерной структуре привычный локус «объекта обожания», «жены», «жертвы», «страдания» лишь подтверждает, что судьба Елены Аргосской – архетип, по которому моделируются судьбы женщин патриархального общества. Их могут любить, баловать, ценить, а также добывать, завоевывать, воровать, но строить свой сюжет им не положено.

Однако в семье Кукоцких происходит событие, после которого она начинает медленно разлагаться, и, в конце концов, Таню и Павла Алексеевича настигает смерть физическая, а Елена погружается в аутизм. Семья, в частности Павел Алексеевич, стараниями дочери Тани, оказывается втянутой в историю смерти Лизаветы-дворничихи. Её смерть лишь подтверждает, как полагает Кукоцкий, право женщины самой решать: рожать ей ребёнка или нет. С ним не соглашается Елена, считая это преступлением, а мать - убийцей. В ответ на это ПА произносит роковые слова, что у неё нет права голоса, ибо у неё нет *этого* органа. «Ты не женщина», - выносит он приговор ей, а как окажется – и себе [5, 73]. Как развалилась опущенная в мойку дрожащей Елениной рукой старая чашка с трещиной, так рухнуло их лёгкое, ненатужное семейное счастье, их близость, безграничность доверия. Елене вдруг открылась другая сторона мужа: жесткость, жестокость, авторитаризм. Он показал ей, что он Судья, а верующая домработница Василиса поняла это иначе – злодей. Внешне этот разрыв выразит себя в том, что Павел Алексеевич навсегда покинет спальню жены, а внутренне каждый из них продолжит жить в самости, одиночестве, но, не выходя за раму семьи. Что же произошло на самом деле?

Хотя семья Кукоцких сформирована по модели авторитарной семьи, где господствует принцип мужского доминирования и женской дискриминации,

это сглаживалось искренней любовью супругов и той ситуацией советской эпохи, когда провозглашалось гендерное равенство, отказ от традиций досоциалистического общества. Естественно, подлинная эгалитарность не была достигнута, и даже в образованной среде гендерные одиозные стереотипы составляли основу как социального, так и семейного дискурсов. Поэтому Елена восприняла слова Павла Алексеевича как приговор себе, ибо в её понимании и, как она считала, в понимании мужа суждением о ней он продемонстрировал, что женщина для него только биологический субъект, играющий физиологическую роль в общем процессе жизнедеятельности в социуме. Отсутствие полового признака (он сам когда-то ампутировал Елене детородные органы, в связи с угрозой перитонита) стало в этот момент единственной чертой, характеризующей и формирующей личность.

Фактически, он закрыл Елене возможность дальнейшей жизни. Отказав ей в праве быть женщиной, он отказал ей в праве существовать вообще. И Елена, действительно, постепенно теряет связь с внешним миром, впадает в темноту, в состояние «меняздесьнет». Патриархальная система отношений, доведённая до абсолюта, привела к трагедии, но только на земном уровне, где, по мнению автора, многое искажено, многому несущественному отводится слишком важная роль. Но всё выглядит совсем иначе в другом, совершенном мире, в котором нет придуманных на земле условностей, и где существует другой путь продвижения по лестнице совершенствования. Чтобы читатель это понял, в романе есть вторая эзотерическая часть, в которой всё заканчивается абсолютным счастьем и блаженством. В земных же отношениях героев решающую роль сыграла их приверженность патриархальным гендерным стереотипам, которая погубила в первую очередь Елену, оказавшуюся не готовой по-новому реализовать свою субъектность.

Дело в том, что Павел Алексеевич как подвижный герой сюжета не совсем такой, каким его воспринимает Елена. В гендерных вопросах он человек более продвинутый. Как подвижный герой он готов переступить запрещённые границы, в данной ситуации нравственные (для Елены и

Василисы) и юридические (закон, запрещающий прерывание беременности). Василиса очень точно назвала его «злодеем». Именно такой персонаж обладает другой нормой поведения (как «вор», «плут», «герой»), дающей ему право на свободу действий. Однако он наталкивается на преграды (чиновники тормозят его Проект, отчуждение Елены, развал в семье подтачивают его моральные силы) и, в результате, развитие его сюжета останавливается. Кукоцкий будет присутствовать в романе как герой (роковой разговор с Еленой произойдет в середине романного текста), но он превратится в неподвижного персонажа, и все события будут связаны с другим подвижным персонажем, который выполнит сюжетобразующую функцию, дочерью Таней.

Итак, вернусь к вопросу о причинах несчастных женских судеб в романах Улицкой. Как видим, одна из причин таится в системе тех отношений, которые в наше время получили название гендерные. Елена и Павел Алексеевич усвоили те социальные женские и мужские роли, к которым готовила их патриархальная традиция. Елена подсознательно не стремилась ни к какому другому поприщу, кроме жены и матери. Её собственная самоидентификация останавливается на отметке: женщина – это та, которая рождает детей. Тихий, уютный мир семьи, при чём ей было бы так же тихо и уютно и с первым мужем, если бы она не встретила Кукоцкого, - это её предел. И когда Павел Алексеевич одной фразой исключил её из разряда женщин, жизнь в социуме для неё закончилась. Наступает темнота сознания, хотя биологически она продолжает жить и даже переживёт дочь и мужа. Конечно, можно сказать, что судьба поколения, жизнь которого пришлась на слом эпох, тоже должна была быть переломанной. Жизнь требовала нового, а новый подход ещё не был выработан. Примечательно, что дочь Елены Татьяна уже сама строит свою судьбу. Она уходит из благополучного профессорского дома, скитается по чужим квартирам, потому что сама патриархальная атмосфера, которая, кстати, подарила ей очень счастливое детство, не обеспечит ей адаптацию в современном мире. Но судьба Татьяны – это новый вектор исследования гендерной проблемы в романе Людмилы Улицкой.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Гендерні студії // «Ї»: Незалежний культурологічний часопис. -2000, №7.
2. Женщины и свобода: пути выбора в мире перемен. – М., 1994.
3. Женщины, Познание и реальность // Исследования по феминистской философии. – М., 2005.
4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. –Спб., 2005.
5. Улицкая Л. Казус Кукоцкого: Роман. – М., 2004.

Автор статьи: Коршунова Светлана Ивановна, канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы Прикарпатского университета им. Василя Стефаника.

Домашний адрес: Івано-Франківськ, вул.Незалежності, 101-Б, кв. 10, 76018. Тел. 751032.